

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОДИНЯЙТЕСЬ!
К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
БУДЬТЕ ГОТОВЫ!

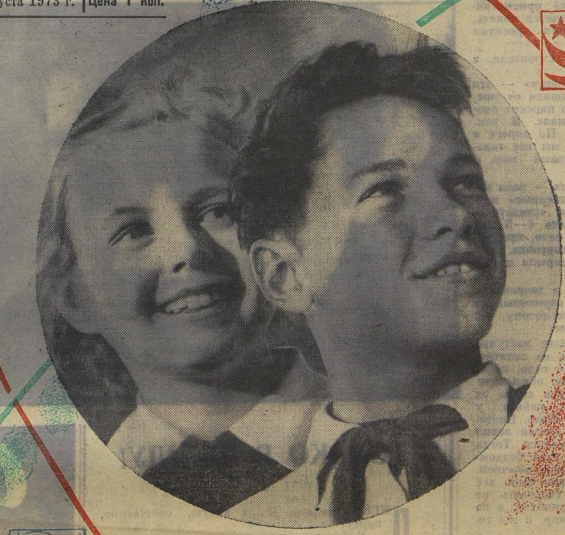
Пионерская ПРАВДА

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ
И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 49-й | № 70 (5757) | Пятница, 31 августа 1973 г. | Цена 1 коп.

ИРИЯ ТОНМАНОВА ШКОЛЬНЫЕ ОРБИТЫ

Пишут нам ребята:
«В космос нас пошлите,
считается событием
может, на Восток
Нам слезать придется,
Мы же пионеры!
Мы — первопроходцы!
Платье бы нам, рисунки,
Через семь морей,
Жить бы нам, рисунки,
«Трёх богатырей»...
Всё, что мы в ответе
Написали детям,
Ничего слово в слово
Повторяем снова:
Космос открывайте,
Космос не открывали
Нас приводят только
Школьные орбиты.
Учитайте старое
Для держаний новых,
Сыновья Гагарина,
Внуки Королёва.
Вам вершить победы,
Плечь к далёким странам
Вместе с Архимедом,
Вместе с Магелланом.
Ждут своих учёных,
Ждут своих героев
Новые законы,
Новые дороги.
Песенки веселой
И судьбы прекрасной
Не сложится без школы,
Всем должно быть ясно!

СВЕТ РАЗУМА

Есть старинный обычай: прежде чем отправиться в путь, мгновенно посядет перед дорогой. Первый человек Земли, полетевший в космическое пространство, — Юрий Алексеевич Гагарин — перед стартом «Востока» тоже присел на несколько мгновений. О чём он думал, прежде чем сделать шаг в космос?

Может быть, и о том, о чём он позже, обращаясь к ребятам, напишет: «Восточная поговорка говорит: «Сильный победит одного, умный победит тысячу». Разум и знания делают человека всесильным. Разум и знания помогли человеку оторваться от Земли. Разум и знания сделали человека не только хозяином Земли, но и Властелином Вселенной».

Властелин Вселенной... Вдумайтесь в эти гагаринские слова. Сколько в них гордости за человека! И вместе с тем какая ответственность! Страшно подумать, если Властелин Вселенной станет ограниченными, злой, жестокий человек.

Любое завтра начинается сегодня. Для вас, ребята, оно начинается за школьной партией. Завтра — новый учеб-

ный год. Новая, трудная и длинная дорога в знаниях. Да, трудная. Эта дорога требует, чтобы вы были настойчивы, мужественны, упорны. Ведь вам нужно овладеть широким кругом знаний, который очень быстро увеличивается в наш век — век научно-технической революции. Вспомните: пока были канюки, сколько научных открытий, технических достижений, трудовых подвигов свершили люди страны!

В Периодическую систему Менделеева вписан 103-й химический элемент, открытый советскими учёными.

На Кольском полуострове вспыхнуло новое солнце: начала выдавать ток атомная заполярная электростанция.

На Украине выведен злаковое растение, о котором давно мечтали хлеборобы. Новый злак «триликале» сочетает в себе лучшие качества пшеницы и ячки.

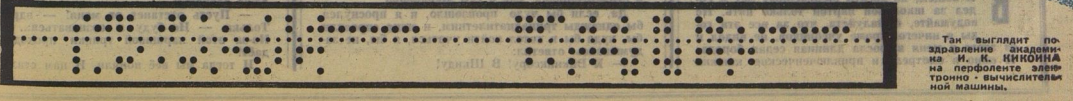
Шахтеры бригады Мурзенко в Дунбассе за месяц добыли больше двухсот тысяч тонн угля. Такого рудежа ещё никто в мире не достигал.

И ещё одно событие: девятого августа нас, советских людей, стало 250 миллионов. Это было вчера. Сегодня нас

уже больше. Наша страна рада каждому новому гражданину Союза Советских Социалистических Республик. Человек в нашей стране, где у власти народ, — самое большое богатство. Заботой о сегодняшнем и будущих поколениях строителей коммунизма проникнуты новые Основы законодательства о народном образовании, принятые Верховным Советом страны.

Завтра большой и светлый праздник: первое сентября. День знаний. Вместе с вами, ребята, его будут отмечать заслуженный рабочий и учёный, ваш учитель и легендарный маршал, хлебороб и прославленный космонавт. В своё время они тоже начинали со школьной парты. Так же, как и вы, учились познавать законы Вселенной. Завтра начинается ваш самый пугливый и важный стране труд — учёба.

ЖЕЛАЮ РАДОСТИ ПОЗНАНИЯ. Академик И. К. НИКОИН.

МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР СТРОИМ...

А. Е. БОЧКИН.

лауреат Ленинской премии. Герой Социалистического Труда, начальник строительства самой мощной гидростанции на земле — Красноярской ГЭС.

Н АС, строителей Красноярской гидростанции, часто приглашают ребята на пионерские сборы и расширяют, как мы всегда рады. Ешечки — одну из самых любимых пионерских игр. Как вы помните, в новом городе там, в сибирской глухомани, у Двиных гор, где раньше медведи в наводок охотились за рыбой да ствол монашеский скит. Я рассказывал о старике Ешечке — он сейчас крупный гигантское турбины в каждом из нас сыплет по проводам около 100 миллионов киловатт-часов дешевой электроэнергии. Это значит, даёт жизнь цветной металлургии, химической промышленности, заводам тяжёлого машиностроения. Рассказывал, а сам всё присматривался к моим слушателям. Мне хочется понять, как, по каким чертежам, по каким проектам каждый из них сам себя строит.

Может, говорит во мне жила строителя, а может быть...

«Мы наш, мы новый мир построим» — эти слова папаны нашей деревни услышали от моего старшего брата, вернувшегося из царских окопов с партизанским билетом в кармане. В том, 1917 году, гулял по окрестностям. Пошёл к нашей церковно-приходской школе мы все гадали: как же будет он, этот новый мир, и как его надо строить?

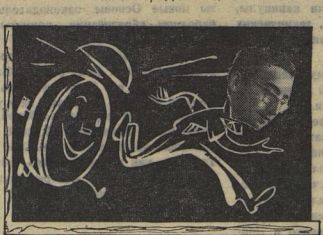
Нестроит грамоту нашего учителя — пона мы успели быстро и даже за «бюджетные» науки получили патенты. Вот с такими «свидетельствами» дел артелью — нас было 4-5 человек — отправились мы в дальнее село, прослышав, что там, в доме бывшего торговца, для крестьянских пионеров бедняков открыта школа сама революция.

Голод дад нам в учителя попов и дворянских дочек из Петербурга, которые бес горничных уже умели одеваться. В село они попали потому, что здесь тогда прокатывалась была школа: наступал день, когда некому было приходить на занятия. И тогда мы шли дальше, в другое село, километров за 20-30. Принимать нас обязывали комитеты бедноты. И мы садился снова за парты. Рядом с нами учились ребята, у которых был хлеб. У нас хлеба не было. Поэтому один шёл на луг за щавелем, другой ловил рыбок, третий подбрасывал на сенокосе. Тогда для нас 13-летних, голодных и по сути бедных мальчишек, такая жизнь казалась обчной. И только теперь я понимаю: нужно было всё наше детское мужество, чтобы не спавать, а на отпичку. Да мы верили в новый мир, и мы горюнились его строить.

Это мужество нужно и вам! Вам тоже трудно! Трудно устоять против соблазнов, трудно выбрать правильное решение. И когда я гляделась на человека в пионерском галстуке, и хочу, чтобы главным в его характере была правильно направленная воля. Она-то и поможет каждому из нас построить себя, найти своё дело и так выполнять его, чтобы оно удавалось и ступные слова: «Москва, Кремль, Центральному Комитету КПСС... Задание выполнено».

ОБГОНИМ ВРЕМЯ!

Александр ДВОРАК.

В двенадцать лет он окончил десятилетку с серебряной медалью и принёс документы на механико-математический факультет Киевского университета. Профессора удивились, зачем абитуриент в пионерской галстуке. Но, проверив его знания, единодушно зачислили его студентом. Сейчас Саша 17. Он уже окончил университет с отличием, будет работать в институте кибернетики Академии наук УССР.

В ПЕРВЫЙ класс я не ходил и в 6-й — тоже. В общем, из десяти положительных лет сидел за партой только пять. Не подумайте, пожалуйста, что за все эти годы я ничего, кроме учебников, не видел и от этого меня выросла длинная седая борода. И кино и спорт, и приключенческие книжки

читал, и на футбол время оставалось. Но кое-какие секреты у меня были: я научился слушать и спрашивать. Слушать то, что сказал учитель, и спрашивать о том, чего не понял, в тот же самый день. И если я догадался: ребята всё запоминают гораздо быстрее, чем взрослые. Я убедился в этом на собственном опыте и потом прочёл в книжках. А некоторые взрослые говорят, что не надо перегружать детский мозг всякой информацией. Могу сказать, что никакой перегрузки и не чувствовал. Мои пятнадцатилетняя сестра Таня, которая сейчас учится на втором курсе университета, и девятилетний брат Володя, который пойдёт в пятый, говорят то же самое.

А если бы я сейчас пошёл в школу, я бы сказал своим товарищам: — Послушайте, мы можем гораздо больше, чем считают взрослые. Давайте перекричим их и обобщим время на несколько лет вперёд. Так во много раз интереснее. Я так уже сделал. Знаю, о чём говорю.

Хорошо учиться считало всё обществом обязательным. В революционную школу брали и семилеткой. Стать матерью и сейчас нетрудно было бы здоровее, прочёл специальную подготовку, и отправился в плавильчатую покрут земли. А потом и двоим человек побывал, в Сингапуре, в Америке, а рассказывать нечего. Смотрел, да не шел, слушал, да не успевал, потому что Фокуш, что не-о-го-ному ничто не открывает, судя ни пшвы. Так что матрос ни, капитанам учиться ভালো বেশ. Жаль, что мой отец уже не вернётся!

У большинства людей моего поколения слово это вызывает в памяти одну, может быть, две, в крайнем случае три школьные парты. В моей жизни таких парт было, я думаю, больше двадцать. Начинать свой школьный образование в приготовительной училищные бизнессы фон Мершенфельд в Петрограде, учился ещё в двух приготовительных, учился в реальном училище, в бывшей частной гимназии, в сельскохозяйственной школе, в профшколе, на рабфаке, в военном училище, на курсах инкох-тёров... Всех парт, за которыми мне пришлось поспеть, пожалуй, даже не вспомяну. Но если бы и в самом деле случилось чудо, и в один прекрасный день я проснулся полновзрослым лет, скажем, на пятьдесят, и нужно было бы решать, в какой школе мне хотелось бы снова учиться, думаю, я назвал бы школу имени Достоевского. Ту школу, для трудновоспитанных ребят, о которой мы с Гришей Бельых рассказывали впоследствии в повести «Республика Шкида». Чем же она так дорога моей памяти, эта школа? А тем предке всего, что в ней, в этой закрытой школе с полукаторным режимом, и получил ту базу в жизни, в её стенах я научился работать над книгой и над собой и там же я впервые по-настоящему пробочился к литературе, к искусству. Недаром С. Я. Маршак в одной из своих статей сравнил нашу беспризорную школьную республику с Царскоевским пушкинским лицеем. В Шкиде мы и зимой, и летом проводили за партами по десять и больше часов и не чувствовали при этом никакой усталости, ни малейшего переутомления. Наоборот, учёба для нас была высочайшей радостью. А ведь мы находили ещё время и для чтения, и для игры, и для бурной издательской деятельности, и для театральных постановок, и для активной работы в обществе «Старый Петербург» — «Новый Петроград». И для бузы. Да, для той мировой бузы, о которой мы не побоялись рассказывать нашим несовершеннолетним читателям на страницах «Республики Шкида».

И тем ещё дорога мне Шкида, что во главе её стоял наш бесценный президент, один из крупнейших педагогов нашего времени Виктор Николаевич Сорokin-Росинский, или Винниксор, как прозвали его школьниками. Тот Винниксор, о котором Алексей Максимович Горький в письме к А. С. Макаренку сказал, что он «таким же герой и страстолюбив», как и сам Макаренко.

Да, если бы чудо произошло, и я проснулся бы однажды тринадцатилетним, и меня спросили бы, куда бы я хотел пойти учиться, я бы, не задумываясь, ответил: — К Винниксору! В Шкиду!

Л. ПАНТЕЛЕЕВ, писатель.

Л ЕГКО сказать. И за какую, собственно, парту? У большинства людей моего поколения слово это вызывает в памяти одну, может быть, две, в крайнем случае три школьные парты. В моей жизни таких парт было, я думаю, больше двадцать. Начинать свой школьный образование в приготовительной училищные бизнессы фон Мершенфельд в Петрограде, учился ещё в двух приготовительных, учился в реальном училище, в бывшей частной гимназии, в сельскохозяйственной школе, в профшколе, на рабфаке, в военном училище, на курсах инкох-тёров... Всех парт, за которыми мне пришлось поспеть, пожалуй, даже не вспомяну. Но если бы и в самом деле случилось чудо, и в один прекрасный день я проснулся полновзрослым лет, скажем, на пятьдесят, и нужно было бы решать, в какой школе мне хотелось бы снова учиться, думаю, я назвал бы школу имени Достоевского. Ту школу, для трудновоспитанных ребят, о которой мы с Гришей Бельых рассказывали впоследствии в повести «Республика Шкида». Чем же она так дорога моей памяти, эта школа? А тем предке всего, что в ней, в этой закрытой школе с полукаторным режимом, и получил ту базу в жизни, в её стенах я научился работать над книгой и над собой и там же я впервые по-настоящему пробочился к литературе, к искусству. Недаром С. Я. Маршак в одной из своих статей сравнил нашу беспризорную школьную республику с Царскоевским пушкинским лицеем. В Шкиде мы и зимой, и летом проводили за партами по десять и больше часов и не чувствовали при этом никакой усталости, ни малейшего переутомления. Наоборот, учёба для нас была высочайшей радостью. А ведь мы находили ещё время и для чтения, и для игры, и для бурной издательской деятельности, и для театральных постановок, и для активной работы в обществе «Старый Петербург» — «Новый Петроград». И для бузы. Да, для той мировой бузы, о которой мы не побоялись рассказывать нашим несовершеннолетним читателям на страницах «Республики Шкида».

И тем ещё дорога мне Шкида, что во главе её стоял наш бесценный президент, один из крупнейших педагогов нашего времени Виктор Николаевич Сорokin-Росинский, или Винниксор, как прозвали его школьниками. Тот Винниксор, о котором Алексей Максимович Горький в письме к А. С. Макаренку сказал, что он «таким же герой и страстолюбив», как и сам Макаренко.

Да, если бы чудо произошло, и я проснулся бы однажды тринадцатилетним, и меня спросили бы, куда бы я хотел пойти учиться, я бы, не задумываясь, ответил: — К Винниксору! В Шкиду!

Л. ПАНТЕЛЕЕВ, писатель.

Л ЕГКО сказать. И за какую, собственно, парту? У большинства людей моего поколения слово это вызывает в памяти одну, может быть, две, в крайнем случае три школьные парты. В моей жизни таких парт было, я думаю, больше двадцать. Начинать свой школьный образование в приготовительной училищные бизнессы фон Мершенфельд в Петрограде, учился ещё в двух приготовительных, учился в реальном училище, в бывшей частной гимназии, в сельскохозяйственной школе, в профшколе, на рабфаке, в военном училище, на курсах инкох-тёров... Всех парт, за которыми мне пришлось поспеть, пожалуй, даже не вспомяну. Но если бы и в самом деле случилось чудо, и в один прекрасный день я проснулся полновзрослым лет, скажем, на пятьдесят, и нужно было бы решать, в какой школе мне хотелось бы снова учиться, думаю, я назвал бы школу имени Достоевского. Ту школу, для трудновоспитанных ребят, о которой мы с Гришей Бельых рассказывали впоследствии в повести «Республика Шкида». Чем же она так дорога моей памяти, эта школа? А тем предке всего, что в ней, в этой закрытой школе с полукаторным режимом, и получил ту базу в жизни, в её стенах я научился работать над книгой и над собой и там же я впервые по-настоящему пробочился к литературе, к искусству. Недаром С. Я. Маршак в одной из своих статей сравнил нашу беспризорную школьную республику с Царскоевским пушкинским лицеем. В Шкиде мы и зимой, и летом проводили за партами по десять и больше часов и не чувствовали при этом никакой усталости, ни малейшего переутомления. Наоборот, учёба для нас была высочайшей радостью. А ведь мы находили ещё время и для чтения, и для игры, и для бурной издательской деятельности, и для театральных постановок, и для активной работы в обществе «Старый Петербург» — «Новый Петроград». И для бузы. Да, для той мировой бузы, о которой мы не побоялись рассказывать нашим несовершеннолетним читателям на страницах «Республики Шкида».

И тем ещё дорога мне Шкида, что во главе её стоял наш бесценный президент, один из крупнейших педагогов нашего времени Виктор Николаевич Сорokin-Росинский, или Винниксор, как прозвали его школьниками. Тот Винниксор, о котором Алексей Максимович Горький в письме к А. С. Макаренку сказал, что он «таким же герой и страстолюбив», как и сам Макаренко.

В ТОМ-ТО И ФОКУС!

Владимир ВИНОГРАДОВ, капитан дальнего плавания, Ленинград.

ОДНАЛЕГ бы на географию, историко-этнографическую литературу — ого, вышло на все предметы! А то знаете как часто? Мой коллега, капитан теплохода «Калининград» Юрий Кирынов, рассказывал: Сошёл на берег, отдыхал, смотрю телевизор — дело было в канадском порту, и вдруг перед корреспонденты телевидения на борту теплохода теплохода «Калининград». А там за спиной третий помощник Адольф Тонк и остался. Хорошо, что он не подкачал.

Теперь стараются капитанам да лохотом назначать только людей с высшим образованием. Приходится нам, борющимся уже мореходом, овладеть зубркой правил орфографии, формата из школьных учебников.

И мы тоже вовремя не выучили? Куда! Мы с приятелем в шестом классе утомивший дневники с досады, чтобы дома не было. На нашей улице многие бредили морем, читывались Станиславом Стенькиным, Новиковым-Прилепиным. Хорошо учиться считало всё обществом обязательным. В революционную школу брали и семилеткой.

Стать матерью и сейчас нетрудно было бы здоровее, прочёл специальную подготовку, и отправился в плавильчатую покрут земли. А потом и двоим человек побывал, в Сингапуре, в Америке, а рассказывать нечего. Смотрел, да не шел, слушал, да не успевал, потому что Фокуш, что не-о-го-ному ничто не открывает, судя ни пшвы. Так что матрос ни, капитанам учиться ভালো বেশ. Жаль, что мой отец уже не вернётся!

У большинства людей моего поколения слово это вызывает в памяти одну, может быть, две, в крайнем случае три школьные парты. В моей жизни таких парт было, я думаю, больше двадцать. Начинать свой школьный образование в приготовительной училищные бизнессы фон Мершенфельд в Петрограде, учился ещё в двух приготовительных, учился в реальном училище, в бывшей частной гимназии, в сельскохозяйственной школе, в профшколе, на рабфаке, в военном училище, на курсах инкох-тёров... Всех парт, за которыми мне пришлось поспеть, пожалуй, даже не вспомяну. Но если бы и в самом деле случилось чудо, и в один прекрасный день я проснулся полновзрослым лет, скажем, на пятьдесят, и нужно было бы решать, в какой школе мне хотелось бы снова учиться, думаю, я назвал бы школу имени Достоевского. Ту школу, для трудновоспитанных ребят, о которой мы с Гришей Бельых рассказывали впоследствии в повести «Республика Шкида». Чем же она так дорога моей памяти, эта школа? А тем предке всего, что в ней, в этой закрытой школе с полукаторным режимом, и получил ту базу в жизни, в её стенах я научился работать над книгой и над собой и там же я впервые по-настоящему пробочился к литературе, к искусству. Недаром С. Я. Маршак в одной из своих статей сравнил нашу беспризорную школьную республику с Царскоевским пушкинским лицеем. В Шкиде мы и зимой, и летом проводили за партами по десять и больше часов и не чувствовали при этом никакой усталости, ни малейшего переутомления. Наоборот, учёба для нас была высочайшей радостью. А ведь мы находили ещё время и для чтения, и для игры, и для бурной издательской деятельности, и для театральных постановок, и для активной работы в обществе «Старый Петербург» — «Новый Петроград». И для бузы. Да, для той мировой бузы, о которой мы не побоялись рассказывать нашим несовершеннолетним читателям на страницах «Республики Шкида».

И тем ещё дорога мне Шкида, что во главе её стоял наш бесценный президент, один из крупнейших педагогов нашего времени Виктор Николаевич Сорokin-Росинский, или Винниксор, как прозвали его школьниками. Тот Винниксор, о котором Алексей Максимович Горький в письме к А. С. Макаренку сказал, что он «таким же герой и страстолюбив», как и сам Макаренко.

Да, если бы чудо произошло, и я проснулся бы однажды тринадцатилетним, и меня спросили бы, куда бы я хотел пойти учиться, я бы, не задумываясь, ответил: — К Винниксору! В Шкиду!

Л. ПАНТЕЛЕЕВ, писатель.

Л ЕГКО сказать. И за какую, собственно, парту? У большинства людей моего поколения слово это вызывает в памяти одну, может быть, две, в крайнем случае три школьные парты. В моей жизни таких парт было, я думаю, больше двадцать. Начинать свой школьный образование в приготовительной училищные бизнессы фон Мершенфельд в Петрограде, учился ещё в двух приготовительных, учился в реальном училище, в бывшей частной гимназии, в сельскохозяйственной школе, в профшколе, на рабфаке, в военном училище, на курсах инкох-тёров... Всех парт, за которыми мне пришлось поспеть, пожалуй, даже не вспомяну. Но если бы и в самом деле случилось чудо, и в один прекрасный день я проснулся полновзрослым лет, скажем, на пятьдесят, и нужно было бы решать, в какой школе мне хотелось бы снова учиться, думаю, я назвал бы школу имени Достоевского. Ту школу, для трудновоспитанных ребят, о которой мы с Гришей Бельых рассказывали впоследствии в повести «Республика Шкида». Чем же она так дорога моей памяти, эта школа? А тем предке всего, что в ней, в этой закрытой школе с полукаторным режимом, и получил ту базу в жизни, в её стенах я научился работать над книгой и над собой и там же я впервые по-настоящему пробочился к литературе, к искусству. Недаром С. Я. Маршак в одной из своих статей сравнил нашу беспризорную школьную республику с Царскоевским пушкинским лицеем. В Шкиде мы и зимой, и летом проводили за партами по десять и больше часов и не чувствовали при этом никакой усталости, ни малейшего переутомления. Наоборот, учёба для нас была высочайшей радостью. А ведь мы находили ещё время и для чтения, и для игры, и для бурной издательской деятельности, и для театральных постановок, и для активной работы в обществе «Старый Петербург» — «Новый Петроград». И для бузы. Да, для той мировой бузы, о которой мы не побоялись рассказывать нашим несовершеннолетним читателям на страницах «Республики Шкида».

И тем ещё дорога мне Шкида, что во главе её стоял наш бесценный президент, один из крупнейших педагогов нашего времени Виктор Николаевич Сорokin-Росинский, или Винниксор, как прозвали его школьниками. Тот Винниксор, о котором Алексей Максимович Горький в письме к А. С. Макаренку сказал, что он «таким же герой и страстолюбив», как и сам Макаренко.

Да, если бы чудо произошло, и я проснулся бы однажды тринадцатилетним, и меня спросили бы, куда бы я хотел пойти учиться, я бы, не задумываясь, ответил: — К Винниксору! В Шкиду!

Л. ПАНТЕЛЕЕВ, писатель.

Л ЕГКО сказать. И за какую, собственно, парту? У большинства людей моего поколения слово это вызывает в памяти одну, может быть, две, в крайнем случае три школьные парты. В моей жизни таких парт было, я думаю, больше двадцать. Начинать свой школьный образование в приготовительной училищные бизнессы фон Мершенфельд в Петрограде, учился ещё в двух приготовительных, учился в реальном училище, в бывшей частной гимназии, в сельскохозяйственной школе, в профшколе, на рабфаке, в военном училище, на курсах инкох-тёров... Всех парт, за которыми мне пришлось поспеть, пожалуй, даже не вспомяну. Но если бы и в самом деле случилось чудо, и в один прекрасный день я проснулся полновзрослым лет, скажем, на пятьдесят, и нужно было бы решать, в какой школе мне хотелось бы снова учиться, думаю, я назвал бы школу имени Достоевского. Ту школу, для трудновоспитанных ребят, о которой мы с Гришей Бельых рассказывали впоследствии в повести «Республика Шкида». Чем же она так дорога моей памяти, эта школа? А тем предке всего, что в ней, в этой закрытой школе с полукаторным режимом, и получил ту базу в жизни, в её стенах я научился работать над книгой и над собой и там же я впервые по-настоящему пробочился к литературе, к искусству. Недаром С. Я. Маршак в одной из своих статей сравнил нашу беспризорную школьную республику с Царскоевским пушкинским лицеем. В Шкиде мы и зимой, и летом проводили за партами по десять и больше часов и не чувствовали при этом никакой усталости, ни малейшего переутомления. Наоборот, учёба для нас была высочайшей радостью. А ведь мы находили ещё время и для чтения, и для игры, и для бурной издательской деятельности, и для театральных постановок, и для активной работы в обществе «Старый Петербург» — «Новый Петроград». И для бузы. Да, для той мировой бузы, о которой мы не побоялись рассказывать нашим несовершеннолетним читателям на страницах «Республики Шкида».

И тем ещё дорога мне Шкида, что во главе её стоял наш бесценный президент, один из крупнейших педагогов нашего времени Виктор Николаевич Сорokin-Росинский, или Винниксор, как прозвали его школьниками. Тот Винниксор, о котором Алексей Максимович Горький в письме к А. С. Макаренку сказал, что он «таким же герой и страстолюбив», как и сам Макаренко.

Да, если бы чудо произошло, и я проснулся бы однажды тринадцатилетним, и меня спросили бы, куда бы я хотел пойти учиться, я бы, не задумываясь, ответил: — К Винниксору! В Шкиду!

что не мы, а он, самый маленький, оказался смелее и честнее нас.

Многому научился я, многое понял за годы, которые прошли с тех пор. После армян пошёл работать в милицию. И сейчас, расследуя казенную преступление, я всё чаще убеждаюсь, что оно начинается с мелочи: с рогатики, с подзабытой мелочи, порой даже с грубого слова. Не тайком — у всех на глазах! И если ты не вступишься — значит, не против, значит, заодно.

Недавно мы отравили в колонию одного парня. Из самоотрела он тяжело ранил мужчину. Я пришёл в его класс. Ребята знали о самоотреле. Знали и молчали. Совсем как мы тогда. «Что мы могли сделать?» — оправдывались они. — Ведь он отравил!»

И тогда я вспомял Лёшку...

ВЕРА В ДРУГА

Александр САФОНОВ, мастер спорта международного класса, многократный победитель международных соревнований по картинке, четырёхкратный чемпион СССР, участник авторалла «London — Madrid», «Тур Европы-71», «Сейфа-71».

ЧЕРЕЗ несколько минут должен отойти паром из Дании в Норвегию. На нём, как на параде, «пересажены» и «форды», «фиаты» и «вольво» — машины гонок, участвующих в международном авторалли «Тур Европы-71». На пароме все машины, кроме нашей. Она на берегу, в стороне. Поднять человек побывал, и Сингапуре, в Америке, а рассказывать нечего. Смотрел, да не шел, слушал, да не успевал, потому что Фокуш, что не-о-го-ному ничто не открывает, судя ни пшвы. Так что матрос ни, капитанам учиться ভালো বেশ. Жаль, что мой отец уже не вернётся!

У большинства людей моего поколения слово это вызывает в памяти одну, может быть, две, в крайнем случае три школьные парты. В моей жизни таких парт было, я думаю, больше двадцать. Начинать свой школьный образование в приготовительной училищные бизнессы фон Мершенфельд в Петрограде, учился ещё в двух приготовительных, учился в реальном училище, в бывшей частной гимназии, в сельскохозяйственной школе, в профшколе, на рабфаке, в военном училище, на курсах инкох-тёров... Всех парт, за которыми мне пришлось поспеть, пожалуй, даже не вспомяну. Но если бы и в самом деле случилось чудо, и в один прекрасный день я проснулся полновзрослым лет, скажем, на пятьдесят, и нужно было бы решать, в какой школе мне хотелось бы снова учиться, думаю, я назвал бы школу имени Достоевского. Ту школу, для трудновоспитанных ребят, о которой мы с Гришей Бельых рассказывали впоследствии в повести «Республика Шкида». Чем же она так дорога моей памяти, эта школа? А тем предке всего, что в ней, в этой закрытой школе с полукаторным режимом, и получил ту базу в жизни, в её стенах я научился работать над книгой и над собой и там же я впервые по-настоящему пробочился к литературе, к искусству. Недаром С. Я. Маршак в одной из своих статей сравнил нашу беспризорную школьную республику с Царскоевским пушкинским лицеем. В Шкиде мы и зимой, и летом проводили за партами по десять и больше часов и не чувствовали при этом никакой усталости, ни малейшего переутомления. Наоборот, учёба для нас была высочайшей радостью. А ведь мы находили ещё время и для чтения, и для игры, и для бурной издательской деятельности, и для театральных постановок, и для активной работы в обществе «Старый Петербург» — «Новый Петроград». И для бузы. Да, для той мировой бузы, о которой мы не побоялись рассказывать нашим несовершеннолетним читателям на страницах «Республики Шкида».

И тем ещё дорога мне Шкида, что во главе её стоял наш бесценный президент, один из крупнейших педагогов нашего времени Виктор Николаевич Сорokin-Росинский, или Винниксор, как прозвали его школьниками. Тот Винниксор, о котором Алексей Максимович Горький в письме к А. С. Макаренку сказал, что он «таким же герой и страстолюбив», как и сам Макаренко.

Да, если бы чудо произошло, и я проснулся бы однажды тринадцатилетним, и меня спросили бы, куда бы я хотел пойти учиться, я бы, не задумываясь, ответил: — К Винниксору! В Шкиду!

Л. ПАНТЕЛЕЕВ, писатель.

Л ЕГКО сказать. И за какую, собственно, парту? У большинства людей моего поколения слово это вызывает в памяти одну, может быть, две, в крайнем случае три школьные парты. В моей жизни таких парт было, я думаю, больше двадцать. Начинать свой школьный образование в приготовительной училищные бизнессы фон Мершенфельд в Петрограде, учился ещё в двух приготовительных, учился в реальном училище, в бывшей частной гимназии, в сельскохозяйственной школе, в профшколе, на рабфаке, в военном училище, на курсах инкох-тёров... Всех парт, за которыми мне пришлось поспеть, пожалуй, даже не вспомяну. Но если бы и в самом деле случилось чудо, и в один прекрасный день я проснулся полновзрослым лет, скажем, на пятьдесят, и нужно было бы решать, в какой школе мне хотелось бы снова учиться, думаю, я назвал бы школу имени Достоевского. Ту школу, для трудновоспитанных ребят, о которой мы с Гришей Бельых рассказывали впоследствии в повести «Республика Шкида». Чем же она так дорога моей памяти, эта школа? А тем предке всего, что в ней, в этой закрытой школе с полукаторным режимом, и получил ту базу в жизни, в её стенах я научился работать над книгой и над собой и там же я впервые по-настоящему пробочился к литературе, к искусству. Недаром С. Я. Маршак в одной из своих статей сравнил нашу беспризорную школьную республику с Царскоевским пушкинским лицеем. В Шкиде мы и зимой, и летом проводили за партами по десять и больше часов и не чувствовали при этом никакой усталости, ни малейшего переутомления. Наоборот, учёба для нас была высочайшей радостью. А ведь мы находили ещё время и для чтения, и для игры, и для бурной издательской деятельности, и для театральных постановок, и для активной работы в обществе «Старый Петербург» — «Новый Петроград». И для бузы. Да, для той мировой бузы, о которой мы не побоялись рассказывать нашим несовершеннолетним читателям на страницах «Республики Шкида».

И тем ещё дорога мне Шкида, что во главе её стоял наш бесценный президент, один из крупнейших педагогов нашего времени Виктор Николаевич Сорokin-Росинский, или Винниксор, как прозвали его школьниками. Тот Винниксор, о котором Алексей Максимович Горький в письме к А. С. Макаренку сказал, что он «таким же герой и страстолюбив», как и сам Макаренко.

Да, если бы чудо произошло, и я проснулся бы однажды тринадцатилетним, и меня спросили бы, куда бы я хотел пойти учиться, я бы, не задумываясь, ответил: — К Винниксору! В Шкиду!

Л. ПАНТЕЛЕЕВ, писатель.

Л ЕГКО сказать. И за какую, собственно, парту? У большинства людей моего поколения слово это вызывает в памяти одну, может быть, две, в крайнем случае три школьные парты. В моей жизни таких парт было, я думаю, больше двадцать. Начинать свой школьный образование в приготовительной училищные бизнессы фон Мершенфельд в Петрограде, учился ещё в двух приготовительных, учился в реальном училище, в бывшей частной гимназии, в сельскохозяйственной школе, в профшколе, на рабфаке, в военном училище, на курсах инкох-тёров... Всех парт, за которыми мне пришлось поспеть, пожалуй, даже не вспомяну. Но если бы и в самом деле случилось чудо, и в один прекрасный день я проснулся полновзрослым лет, скажем, на пятьдесят, и нужно было бы решать, в какой школе мне хотелось бы снова учиться, думаю, я назвал бы школу имени Достоевского. Ту школу, для трудновоспитанных ребят, о которой мы с Гришей Бельых рассказывали впоследствии в повести «Республика Шкида». Чем же она так дорога моей памяти, эта школа? А тем предке всего, что в ней, в этой закрытой школе с полукаторным режимом, и получил ту базу в жизни, в её стенах я научился работать над книгой и над собой и там же я впервые по-настоящему пробочился к литературе, к искусству. Недаром С. Я. Маршак в одной из своих статей сравнил нашу беспризорную школьную республику с Царскоевским пушкинским лицеем. В Шкиде мы и зимой, и летом проводили за партами по десять и больше часов и не чувствовали при этом никакой усталости, ни малейшего переутомления. Наоборот, учёба для нас была высочайшей радостью. А ведь мы находили ещё время и для чтения, и для игры, и для бурной издательской деятельности, и для театральных постановок, и для активной работы в обществе «Старый Петербург» — «Новый Петроград». И для бузы. Да, для той мировой бузы, о которой мы не побоялись рассказывать нашим несовершеннолетним читателям на страницах «Республики Шкида».

И тем ещё дорога мне Шкида, что во главе её стоял наш бесценный президент, один из крупнейших педагогов нашего времени Виктор Николаевич Сорokin-Росинский, или Винниксор, как прозвали его школьниками. Тот Винниксор, о котором Алексей Максимович Горький в письме к А. С. Макаренку сказал, что он «таким же герой и страстолюбив», как и сам Макаренко.

Да, если бы чудо произошло, и я проснулся бы однажды тринадцатилетним, и меня спросили бы, куда бы я хотел пойти учиться, я бы, не задумываясь, ответил: — К Винниксору! В Шкиду!

ВСПОМИНАЮ С РАДОСТЬЮ

Ростислав ПЛЯТТ, народный артист СССР.

Я МЕЧТАЛ бы о том, чтобы в составе моих педагогов оказался такой преподаватель литературы, каким был Фёдор Фёдорович Березов.

Фёдор Фёдорович вёл литературу в старших группах, стало быть, мы встретились с ним, когда нам было по 14-15 лет. Кто знает, может быть, он первый и зараня меня этой своей близостью к театру. И сам он, как некий театральный персонаж, возник под зонтом в дождливом сумраке у зелёного уличного арбатского фонаря и, прижав меня за локоть, говорил: «Ученик Плятт, освоитесь!» Не правда ли, пейзаж во вкусе Достоевского?

Никакого Достоевского в школьных программах тогда не было, но Фёдор Фёдорович всё его свёрх программы. Свёрх программы же он читал нам бунинский рассказ «Господин из Сан-Франциско», знакомил нас с поэтами-символистами.

И если бы я вновь оказался за партию, я мечтал бы о том, чтобы и составе моих педагогов оказался такой человек, каким был преподаватель физики Григорий Иванович Фалеев.

Физике я у него не учился, но именно Григорий Иванович оказался прямым «свратителем» в мою жизнь, ибо его стараниями была оборудована сцена в нашем актовом зале, именно он настоял на организации драмкружка при школе. В этом драмкружке я сыграл свою первую роль — семидесятилетнего генерала в пьесу «Колокола в Каледонской канаве».

И всё же, если бы я вновь оказался за партию, я постарался бы лучше учиться точным

ного в боксёрских перчатках. Потом одел бы его в рыцарские латы и дал в руку меч. И наконец, позволил бы перестать своим самым душевные краски и самую красивую бумагу — ну, попробую? — нарисуем своё настроение.

А дальше вы уже можете воображать себя и окружающим в разных костюмах. Это как раз то, чем занимаюсь я художник-модельер.

Я всюду вижу красоту. Эту красоту я стараюсь передать людям в модельных одеядах. Когда у меня это получается, я весел и счастлив. Желаю вам, чтобы вы тогда научились видеть красоту в самых простых вещах и показывать её другим. Может быть, вы, как и я когда-то, обнаружите в себе художника?

Если нет — наверняка, вы будете дразнить девочками за то, что мальчишка вышивает.

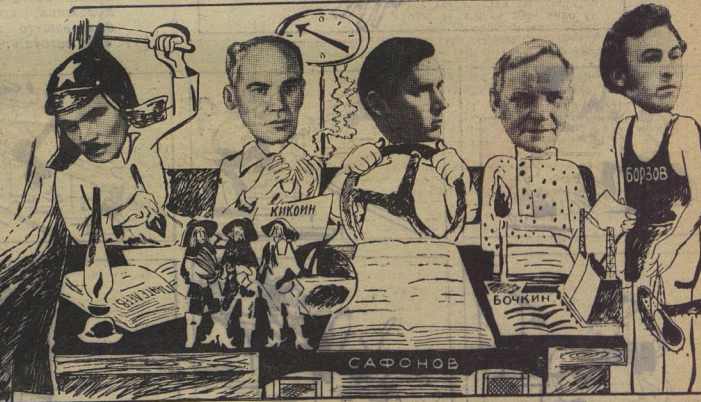
Рисуя я каждый день. Рисую, когда рад, когда спокоен, когда грущу. А вот вам для примера моё настроение.

ФОРМУЛА ПОВЕДЫ

Валерий БОРЗОВ, чемпион XX Олимпийских игр, заслуженный мастер спорта.

В СПОРТЕ победу приносит разум, мышцы и воля! — любит повторять мой тренер, кандидат в мастера спорта Валентин Васильевич Петровский. Именно разум ставит он на первое место. Когда-то я больше верил в спортивные данные. Считал, что только способности нужны для по-

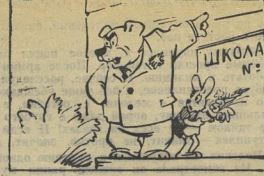
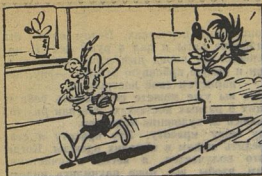

наукам. Литература и зарождавшаяся уже страсть к театру поглотили все мои силы, и я умудрялся так формулировать ответы по физике, что однажды услышал от преподавателя: «Сидите! Это закон Плятта, а не закон Архимеда».

Валентин Васильевич в своей книге «Моя жизнь в искусстве» вспоминает, как, будучи уже взрослым человеком, он встретил однажды одного из своих учителей и, не сдержавшись, с гневом и горечью начал припоминать все те «детские ошибки» студента, которые отравили ему гимназические годы. Видите, какую огромную роль играет педагог в жизни каждого из нас.

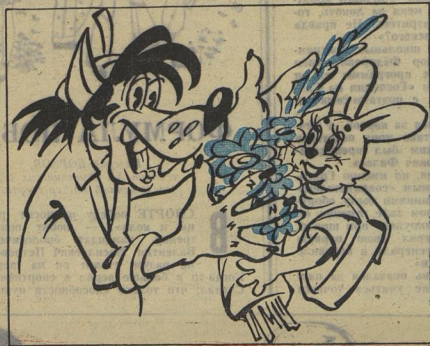
Я оставил только на двоих моих учителей потому лишь, что они двое «открыли» для меня мою будущую профессию. Спасибо им!

НАРИСУЕМ НАСТРОЕНИЕ

1 СЕРИЯ

НУ, ПОГОДИ!

ВНИМАНИЕ! НОВЫЕ СЕРИИ «НУ, ПОГОДИ» СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ».

...Только собрались мы поздравить зайца самым первым его школьным днём, как вдруг...

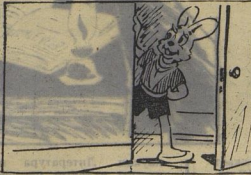
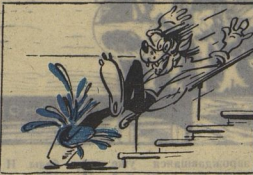
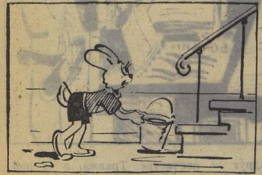
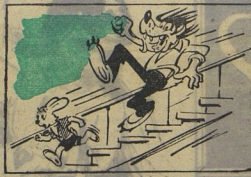
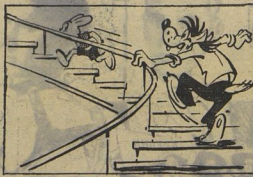
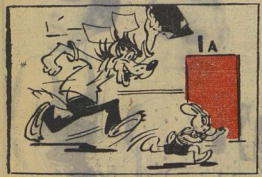
Этот драный волчище появился немедленно и затеял свою обычную погоню. Ну зачем же портить первокласснику праздничное настроение!

События развивались молниеносно. Заяц вовсе не хотел опаздывать на урок и, улетывая, искал выход из создавшегося положения. Стоп! Выход найден! Смотрите, волк, как всегда, сел в лужу!

И так будет с каждым, кто обижает маленьких.

А принёс к нам в редакцию эти рисунки Светозар Кузьмич РУСАКОВ, художник, который рисует картинки для вашего любимого мультфильма «Ну, погоди!».

2 СЕРИЯ

Этот номер готовили наши корреспонденты: Е. АНИСИМОВА, К. БРУНОВА, Е. БУЛГАКОВА, Н. ПИЖУРИНА, С. СМОРОДИН, Г. ЮРКИНА, В. ЛЮКЛЕВА. Оформили художники: В. АНДРЕЕВ, С. АНТОНОВ, Б. ГЕФТЕР.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Жил на свете хороший, добрый, весёлый человек. Он долго и много работал в «Пионерской правде». Очень любил вас, ребята. Радовался, когда вам хорошо, грустил, если кому-то из вас было грустно. В наших только командировках он не бывал! Ездил в самые отдалённые села и аулы, прошагал пешком сотни километров, плыл на кораблях и летел на самолётах, торопясь прибыть на зов письма и рассказать потом в газете о вашей жизни, о ваших радостях и тревогах. И помнит это имя читатели «Пионерской правды»: Владимир Волианов. Помнят все, кто читал его очерки и рассказы, Задушевные, умные. Помнят и его книги «Строгий учитель», «Высшая награда», «В труде закаляются руны», «Стригуны», написанные о вас, ребята, с такой любовью!

Владимира Фёдоровича Волианова больше нет с нами... Но не хочется говорить, что он умер. Он будет жить в том, что написал и сделал для ребят. Пусть вечно колышется пионерский стяг на древке! Его высоко несём вместе с юными ленинцами журналист и писатель Владимир Волианов.

Журналисты «Пионерской правды».